

18+

Анастасия Кисточка

ПЬЕСА ЖИЗНИ

Анастасия Кисточка

Пьеса жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41608405

ISBN 9785449640499

Аннотация

Книга состоит из повестей и эссе, в которых я надеюсь, читатель сможет увидеть себя, понять, что жизнь бывает многогранна, задуматься о вечном, найти смысл и главное не забывать о любви. Пусть она присутствует в вашей жизни всегда!

Содержание

Раскаяние	5
Другая жизнь	25
Приключение	28
Долгое прощание	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пьеса жизни

Анастасия Кисточка

© Анастасия Кисточка, 2019

ISBN 978-5-4496-4049-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раскаяние

«Милый мой, хороший! Вот ты и уехал в город, а я осталась здесь одна. Но я очень рада, что ты поступил в институт и теперь всё складывается как надо. Правда, скучаю по тебе безумно! Думаю о тебе каждый день и вижу во сне твои глаза. Но ты не беспокойся, у меня всё хорошо. Мама устроила меня работать в магазин, мне, в общем-то, нравится. Но, на следующий год, всё равно, буду поступать в медицинский, ведь это моё призвание. Как тебе даётся учёба и как вообще живётся в городе? Пиши обо всём, мне так интересно! Очень надеюсь на скорую встречу! Твоя Рита».

«Здравствуй, любовь моя! Мы только вчера виделись, а сегодня ты уже вернулся в город, а я такая нетерпеливая пишу тебе. Просто не могу держать столько чувств и эмоций в себе. Мне жаль, что тебе приходится в разгар каникул возвращаться в город для поисков подработки. О нашем вчерашнем секрете я никому не скажу. Счастье любит тишину, незачем всем знать, что между нами произошло. Но, родной мой, я всё ещё летаю на крыльях, и всё время улыбаюсь без причины. Вчера мы стали близки, как никогда, и ближе уже не будем. Мы с тобой две половины одного целого и это навсегда. Я задыхаюсь

от счастья, что скоро мы будем по-настоящему вместе, мужем и женой! Как страшно и сладко об этом думать! Неужели всё это мне не приснилось, и мы действительно скоро поженимся! Люблю, люблю, люблю! И буду любить только твои руки, твои губы и всего тебя до конца жизни, что бы не произошло! Всегда твоя Рита».

«Любимый мой, я долго не решалась тебе написать про кое-что очень важное, боялась. Но ты же всегда меня понимал как никто и думаю, сейчас тоже поймёшь. Не знаю радоваться мне или плакать. Всё дело в том, что я ношу под сердцем ребёнка. Нашего с тобой малыша. Да, я такая дура, не сразу поняла, что беременна. Уже второй месяц, так сказала врач. Из родных ещё никто не знает. Тебе я пишу первому, ты же всё-таки отец! Представляешь, ты станешь скоро папой, а я мамой! Фантастика, правда? Да, в это трудно поверить и мы не планировали, но всё, что не делается, к лучшему, да? Я могла тебе конечно, и позвонить или даже встретиться с тобой, но страшно отчего-то говорить о таком, у меня уже коленки трусятся, а так в письме ты спокойно всё прочтёшь и подумаешь. Только прошу, не затягивай с ответом, у меня не хватит сил долго ждать! Сразу как получишь это письмо, позвони или приезжай ко мне. Сейчас мне очень хорошо от мысли, что в моём животе зародилась жизнь! Очень надеюсь, что ты разделишь со мной эту радость и не упадёшь

в обморок от неожиданности! Мы любим тебя! Я и наш маленький сын или дочка».

«Здравствуй! Не удивляйся, что я вновь посылаю тебе письмо. Я сама, честно говоря, не ожидала, что когда-нибудь тебе ещё напишу. Просто хочу, что бы ты знал, я тебя прощаю. Это далось мне, как не странно, довольно легко. Так что можешь себя не корить и не мучиться, если конечно ты это делал. Я не могу тебя винить, я по-прежнему люблю тебя, но это уже не важно. Через неделю я выхожу замуж. Да-да! Оказывается, Вовка Нестеров любил меня все эти годы и всё ждал, когда я внимание на него обращаю. Он очень хороший, родителям понравился. Так что, переезжаю в город, а потом и родителей может, перевезём! Вова снимает квартиру, учится на заочном, и работает на заводе. Видно такая моя судьба – люблю одного, а счастливым меня сделает другой. Мне он очень симпатичен, и мне кажется, что скоро я полюблю его, может не так как тебя, ведь первая любовь это всегда особое чувство. В общем, всё хорошо! Я в предвкушении новой лучшей жизни. Желаю, что бы и у тебя всё сложилось прекрасно! Мне правда этого очень хочется! Больше не напишу, так что прощай и помни, я тебя отпустила, и зла не держу. Рита».

Мужчина отбросил письмо в сторону, открыл окно настежь и начал жадно вдыхать свежий воздух. «Зря я вернулся сюда!» – пронеслась мысль в голове. Впрочем, с содроганием вспоминая душный и шумный город, он поморщился

и решил, что лучше уж так. Здесь, в доме его покойных родителей словно остановилось время. Всё так же цокали ходики на полке, в вазе стояли засушенные цветы, и кружевная скатерть на столике, и старинные иконы на стенах, множество книг, всё это напоминало о детстве, о школьных годах проведённых тут. Воспоминания были приятными, только вот письма... Он уже и не помнил, когда привёз сюда все её послания, что бы жена не ревновала, хотя к чему можно было ревновать? К первой любви, короткой как секунда? Смешно и нелепо! Но он всё же собрал все конверты, письма и оставил здесь, может даже ни столько ради жены, а ради себя, что бы совесть не мучила.

Он не сразу заметил, глядя в окно невидящим взглядом, что ему машет соседка, и что-то говорит. Оторвавшись от раздумий, он тоже приветливо помахал ей и вышел из дома.

– Добрый день, Людмила Арсеньевна!

– Здравствуй, радость моя! Какими судьбами у нас? Давно тебя не видела! – старушка подслеповато поглядывала на него. Мужчина задумался, он всегда помнил её пожилой женщиной, сколько же ей лет?!

– Выглядите хорошо! Какой платок красивый связали! – начал по привычке отвешивать комплименты он, – Как Филля, котик ваш, жив ли ещё?

– А что ему станется! На свежем воздухе коты все долгожители! Правда зрение начал терять в последнее время, как

и я. Ну это ладно, ты надолго приехал?

– Не знаю, как получится. Может на месяц, а может меньше... – он помрачнел, и соседка сразу это уловила.

– Что случилось? Я гляжу, ты бледный такой, а я всегда помнила тебя розовощёким здоровым сорванцом! Не болен ли ты?

– Болен, Людмила Арсеньевна! Вот умирать приехал, в родные края. Дома и стены помогают, как говорится... – он даже нервно усмехнулся, а соседка схватилась за голову.

– О чём ты? Что ты такое болтаешь?! Как умирать? Ты же ещё молодой такой!

– Да какой там молодой! Уже 45 лет! Лейкемия вот... Да это часто теперь встречается! Только Вы больше никому не говорите!

Старушка с сожалением глядела на него. Потом покачала головой:

– Нужно тебе к нашему отцу Андрею пойти. Исповедаешься ему, он тебя пособорует, станет легче.

– Спасибо, дорогая моя Людмила Арсеньевна, только я в это всё не верю. Родители набожные были, а я как в город переехал так ни разу в храм и не ходил.

– Ой, милый ты мой! Беда то какая! – прикрыла в ужасе рот старушка, – Ну ничего, я за тебя молиться стану, всё хорошо будет!

– Да не надо! Зачем это? Умирать то всё равно придётся.

– Ничего ты не понял за все свои 45 лет! В жизни глав-

ное что? Смысл какой? Душу свою сохранить! Приготовиться к спасению!

– Ладно, Людмила Арсеньевна, каждому своё! Мне идти надо, прибраться в доме, а то пыль, грязь, сами понимаете... – махнул рукой он.

– А кто тебе готовить будет? Может, на ужин ко мне зайдёшь?

– Спасибо большое за заботу, но я теперь ем мало, мне вот каши одной с головой хватит, так что...

– Ясно. Тебе и одному побыть хочется, понимаю! Ну, увидимся! – старушка поправила свой платочек и пошла дальше.

На уборку сил не было. Мужчина кое-как посметал пыль в тех местах, где собирался бывать чаще всего и улёгся на кровать с новой газетой. Чтение не давалось ему, мысли разбегались, он отвлекался. Наконец, отбросив чтиво в сторону, он посмотрел на часы и решил пройтись. Последний раз он был тут год назад, когда хоронил родителей. Всю жизнь они очень любили друг друга и даже умудрились умереть с разницей в семь дней. Его тогда это очень поразило, ведь он не смог прожить с женой и пяти лет. Потом были ещё женщины, но все отношения не становились серьёзными. Что-то его не устраивало в них или наоборот. Больше он так и не женился, сделал упор на карьеру, достиг приличных высот и вдруг, словно удар по голове – диагноз.

Проведав могилки родных, мужчина решил пройтись

к полю. Привычные тропинки, пейзаж вокруг вернули ему хорошее настроение. Он словно вновь почувствовал себя тем юным мальчиком, полным всяких стремлений и надежд на лучшее. Запахи и звуки отбросили его в далёкое прошлое...

...Заканчивалась школа. Все одноклассники уже решили, кто куда поступает. Его первая любовь – Рита Ковалёва собиралась в медицинский институт, а он в экономический. Девушка радовалась тому, что знала – эти два вуза находятся почти рядом. «Теперь мы и там будем всегда вместе!» – говорила она. Конечно, это казалось заманчивой перспективой. И хоть до выпуска они только целовались, и он знал точно, что любит её, всё же ему хотелось большего. Многие друзья потешались, зная о том, что между ними ещё ничего не было. Особенно его лучший друг, который был большим знатоком в делах любви. «Ты что же думаешь себе? Давно пора вам переспать, тогда больше поймёшь и про неё и про ваши чувства! Любовь без интима это не любовь, это не по-настоящему!» – каждый день твердил ему друг. Эта мысль мучила и не отпускала. И вот на выпускном балу он решился. Не стал специально ничего говорить Рите, а просто предложил сбежать от шумных одноклассников и вдвоём провести эту ночь. Она не понимала к чему он клонит, да и ему не хватало смелости решиться на этот шаг. Так ничего и не вышло, они прогуляли всю ночь по своему селу, любовались рассветом на реке и просто целовались. Потом он корил себя, обы-

вал дураком и трусом, но ничего уже нельзя было поделывать. А Рита словно и не замечала его мук и смотрела преданно в глаза, как собачонка. Быстро летело время, прошли вступительные экзамены и пора ожидания. Он поступил в свой институт, а Рите не повезло, не дотянула по балам. Тогда она сильно расстроилась, мысль о том, что ей придётся остаться дома, а он будет в городе один, терзала её. Никак не сумев её успокоить, он пообещал писать ей чуть ли не каждый день, посылать телеграммы, по возможности созваниваться и ещё пообещал, что не предаст её и никого там не полюбит...

Мужчина застыл у реки, той самой, где они встречали рассвет. В водной глади, словно в зеркале, красиво отражалось закатное солнце. Пахло сыростью и кострами, характерные запахи для конца августа, он помнил это. Внезапно он почувствовал, что на него кто-то смотрит, сзади что-то зашумело в траве. Он обернулся. Перед ним стояла лошадь шоколадного цвета с белой полоской на лбу, она вышла со стороны поля и замерла, глядя на незнакомца. Её глаза, карие и спокойные, как-то по-доброму смотрели на него. Взгляд был словно человеческий. Ему стало не по себе, отвык он за всё это время от лошадей.

– Привет! Тебя как звать? И где твой хозяин? – обратился он к животному.

Лошадь фыркнула, встряхнула гривой и медленно направилась вниз, к берегу на водопой. Вокруг стояла звенящая тишина, и ему вдруг почудилось, что больше никого здесь

и нет, он один с лошастью живёт в этом забытом всеми селе. Вернувшись в дом с наступлением сумерек, он сразу заварил чай и присел в плетеное кресло у окна. Есть совсем не хотелось, он сидел и наблюдал как в комнату на свет залетают ночные бабочки и кружат возле лампы. Они создавали такой шум своими крыльями, что казались ему эдакими маленькими вертолётками. Уют накрывал его с головой, накатывала сонливость, но тут взгляд упал на разбросанные конверты у шкафчика. Это он искал старые фото родителей, а наткнулся на спрятанные письма. Желание перечесть их неожиданно нашло на него, хотя он прекрасно понимал, что сделает себе ещё хуже. И всё-таки он вытащил очередное письмо от Риты.

Ему стало жарко, кровь ударила в лицо, щёки горели от стыда. Он положил письмо на стол и выключил лампу. В темноте было как-то спокойно. Тот день стоял перед глазами так чётко и ярко, словно это было вчера...

...На первых же летних каникулах он приехал домой. Зимой не получилось вырваться, он долго болел, а вот летом, наконец, после сессии он вернулся к своим родителям, к своему дому и, конечно же, к Рите. Стояла жаркая, прекрасная погода, каждый день они вместе ходили на реку и проводили там почти всё время. А один раз неожиданно началась гроза, им срочно пришлось искать укрытие. Они забежали в хлев с кучей соломы и смеялись как дети, выглядывая на улицу. А потом, всё случилось само собой и даже не пришлось го-

товиться и настраивать себя на разговор с ней. Просто переглянулись, и вдруг их потянуло друг к другу как магнитом. Он целовал её мокрую кожу, легко снял сарафан, и они легли на солому. Было почему-то мягко, словно они лежали на одеяле. Он помнил её глаза в тот момент. Они светились от радости, ей вовсе не было страшно рядом с ним, потому что девушка любила его. А потом они ещё просто долго лежали, Рита поглаживала его руку, и он вдруг уверенно сказал:

– Скоро мы поженимся!

Она привстала, внимательно посмотрела на него:

– Когда?

– Не знаю, денег заработаю на свадьбу, всё устрою и поженимся! Я же тебя люблю!

Рита наклонилась к нему, накрыв словно шлейфом, своими белокурыми волосами его лицо и поцеловала.

– А я без тебя жить не могу... – прошептала она...

...Часы пробили полночь. Мужчина словно опомнился, допил холодный чай и пошёл спать. Всю ночь ему снилась прежняя жизнь, его молодость и Рита. Она была весёлая, называла его ласково по имени и убегала от него в речку, брызгая водой и смеясь. Когда он проснулся на рассвете, на душе у него было тяжело. Вся подушка была мокрая, он сильно вспотел во сне. Петухи уже кукарекали вовсю и он, решив, что больше не уснёт, встал с кровати и пошёл вниз. В доме было прохладно, его начала бить дрожь. С трудом поставил чайник и присел в кресло, и вдруг ему показалось, что его

кто-то зовёт с улицы. Выглянув в окно он, тем не менее, никого не увидел. Непонятное чувство страха овладело им. Голос, который он услышал, был очень похож на её голос, на голос Риты, а этого просто не могло быть. Он внезапно почему-то вспомнил тот давний телефонный разговор на почте...

– Алло, алло, Ритка, ты слышишь меня? – кричал он как сумасшедший в трубку.

– Слышу! А ты меня слышишь? Я поступила! Представляешь! Буду всё-таки врачом!

– Ура! Поздравляю тебя! Риточка, я так рад! Прекрасная новость!

– Спасибо большое, я тоже так рада! Как ты?

– Да всё отлично! Учусь, а по выходным вагоны разгружать помогаю! Денег достаточно дают! Мне теперь на многое хватает! Ты то как?

– Нормально, – её голос вдруг погрузнел, – Только вот чем-то, наверное, отравилась на днях, не могу понять чем, тошнит и живот какой-то странный.

– Ты же будущий врач, Рита! Подумай, вспомни, что ты могла такого плохого съесть и принимай меры! Не хватало ещё врачу болеть! Сапожник без сапог! Поняла? А то пугаешь тут меня...

– Конечно! – смеялась она, – Да не волнуйся, пройдёт! Всё будет хорошо!

– Ладно, мне бежать пора! Целую! Пока, солнышко!

– Постой! Не клади трубку! Я люблю тебя! Слышишь!

Очень люблю!

– Я тебя тоже!

...В дверь постучали. Мужчина открыл и увидел свою соседку. Та ласково глядела на него:

– Доброе утро! А я вот гляжу через забор, вижу, что ты не спишь, думаю, дай-ка принесу тебе молочка свежего, ещё тёплого! Бурёночка моя постаралась!

– О, давно не пил я парного молочка! – обрадовался он, – Спасибо Вам большое! Такой сюрприз неожиданный!

– На здоровье! Пей, не жди, пока остынет!

– Людмила Арсеньевна, – он вдруг серьёзно посмотрел на неё, – А не Вы ли сейчас меня звали с улицы? Минут пять назад...

– Не я. Зачем звать? Я молока налила и пошла к тебе, а что? Может, кто другой проходил, иль почудилось тебе?

– Скорее, второе... – вздохнул он, – Ладно, забыли! Ещё раз спасибо!

Через пару часов он вышел из домика и решил навеститься в лес. Погода стояла прекрасная, он пытался наслаждаться красивым видом, вдыхая запахи хвои, но мозг не давал ему покоя. В голове, словно отматывающаяся назад плёнка, проносилась картина прошлого: осень, когда Рита уже училась в институте. Он помнил то её письмо наизусть, поскольку перечёл его множество раз.

Конечно, он не упал тогда в обморок, но сильно испугался. Он понял, что ещё не готов стать отцом, слишком рано,

тем более на днях познакомился в гостях у друга с одной интересной девушкой. Она совсем не была похожа на Риту, но его потянуло к ней со страшной силой, необъяснимо. Они даже танцевали тогда в гостях, и он, впитывая аромат её духов, пьянел ещё больше. В тот вечер он провёл девушку до дома и взял её номер телефона. А тут вдруг письмо, беременная Рита... Ему словно перекрыли кислород. И он понял, что надо срочно менять всё в своей жизни. Ему, конечно же, духу не хватило ни позвонить, ни встретиться, он просто написал Рите в тот же день. Извёл кучу бумаги, что бы точнее выразить всё, что он думает по этому поводу. И наконец, отправил письмо, полное жестоких слов и трусости, не умения нести ответственность за свои поступки и слова. Он отказался в два счёта от своей любви при первой же возникшей проблеме. Рита, к его глубочайшему удивлению, ничего не ответила ему после этого. Он был уверен, что последуют гневные звонки или встречи с обвинениями, что она начнёт унижаться и просить его передумать ну или ещё что-то в этом роде. Но было тихо, и это его пугало. Рита не попадалась ему на глаза, а он боялся подходить близко к её общаге и вузу. Спустя некоторое время родители написали ему, что она взяла академ-отпуск на время беременности и вернулась домой, в село, к своим. Писали также о том, что она всё время плачет и ни с кем не хочет общаться. Родители очень злились на своего сына, именно от них были обвинения и призывы взять себя в руки и жениться на девушке.

Но он игнорировал эти послания. Городская жизнь увлекала всё больше, а с новой симпатией, по имени Яна, отношения развивались с бешеной скоростью.

Потом он узнал, что у Риты случился выкидыш, вероятно на нервной почве. Его начали мучить угрызения совести, но не долго, Яна и учёба забирали всё свободное время. Он начал бояться другого, что и Яна может также залететь, но эта была совсем другая девушка. Он был уже вторым её парнем, и вообще она очень внимательно относилась к таким штукам как контрацепция. А через полгода неожиданно пришло письмо от Риты. Как он перепугался тогда, тупо смотрел на конверт, борясь с желанием разорвать письмо на мелкие кусочки, но потом быстро, даже не открыв его, кинул в коробку с остальными её письмами. Выкинуть он их пока не мог отчего-то, рука не поднималась. Решил, что потом, при возможности отвезёт всё это к родителям в дом и забудет, как прошедший этап своей жизни. Вскоре сыграли свадьбу с Яной. Родители её, состоятельные люди, старались из всех сил организовать и провести торжество так, что бы молодым это всё надолго запомнилось. И вновь побежали будни, но уже семейной жизни, потом кончилась учёба, родился ребёнок. Он забыл про Риту, не так, что бы совсем, но она ушла куда-то глубоко в подсознание, и он вскоре не мог вспомнить даже её глаза. Новость о том, что её в тот год сбила насмерть машина, потрясла его. Случайно узнал от родителей об этой трагедии. Но у него рос ребёнок, его

любила Яна, и не было времени даже задуматься обо всём этом. Годы летели и летели, и всё вроде бы было хорошо, но при этом казалось, что всё не так...

...Он, остановился у сосны, перевёл дух. Одышка мучила его теперь даже при медленной ходьбе. Он вдруг осознал, что то последнее письмо Риты, до сих пор непрочитанное, валяется вместе с остальными в доме, совсем близко. Он зажмурился от страха и стыда. Нет, и сейчас он не сможет его прочесть, зачем беречь раны? Он примерно догадывался, о чём она могла там писать. Пусть так и лежит закрытым, или вообще надо все её письма уничтожить, мало ли кто найдёт их.

– Доброе утро, сосед! – раздался вдруг рядом мужской голос. Это был бывший тракторист дядя Коля, нынче уже пенсионер солидного возраста.

– Доброе, Николай Иванович! – обрадовался ему мужчина, – Сто лет Вас не видел!

– Это ты брось! Намекаешь на мой возраст? – усмехнулся старичок, – А ты изменился, я смотрю. Что, городская жизнь на пользу не пошла?

– Да как Вам сказать... А Вы что в такую рань не спите? Грибы? – кивнул он на лукошко в руках Николая Ивановича.

– Сейчас грибов мало, больше ягоды, а вообще лес уже не тот, что раньше. И село наше тоже... Молодёжи совсем не осталась, на лето только приезжают внуки, правнуки, да и всё. Так что скоро мы умрём и село вместе с нами, ничего

не останется.

– Ну что Вы! Неужели всё настолько плохо? – грустно поглядел на него мужчина.

– Ты вот как приехал, хоть одну девушку или парня видел? Нет? То-то же! Все они в городе, деньги зарабатывают! Коров доить некому, скотины домашней всё меньше. Ну, в общем, сам понимаешь. Ладно, ты извини, мне идти надо! Ещё увидимся!

Домой мужчина решил вернуться через реку. Он почему-то вспомнил о вчерашней лошади, стало интересно чья она и почему ходила одна, без хозяина. Приглядевшись к берегу, он вновь увидел кобылу у водопоя, но сейчас рядом с ней стояла какая-то светловолосая девушка. Мужчину это обрадовало. «А Николай Иванович что мне говорил – молодёжи никакой!» – вспомнил он. Девушка держала лошадку за шею, стояла спиной к нему, но он разглядел её сарафан и обмер. Точно такой же был у Риты! И вообще, будто это она сейчас живая и молодая стояла перед ним. Мужчина почувствовал, как быстро начало биться сердце и закружилась голова. «Только не поворачивайся!» – твердил, словно заклинание про себя он. Но девушка повернулась и посмотрела на него с улыбкой. Это была Рита. Мужчина вскрикнул и лишился чувств.

Ему казалось сквозь пелену, будто он слышит её голос, зовущий его по имени. Но очнулся он от ржания лошади, которая подталкивала его мордой, явно беспокоясь за челове-

ка. Мужчина открыл глаза и сразу огляделся. Видения Риты не было, здесь вообще никого больше не было. Лошадь обрадовалась тому, что он пришёл в себя, радостно заржала и, фыркнув, грациозно потрясла гривой. Он вспомнил, как любил кататься на лошадках в детстве и даже планировал связать с ними будущее, работать тренером по конному спорту или что-то наподобии, но не сложилось. Всё равно, любовь к лошадям сохранилась в нём на всю жизнь, он протянул руку и погладил кобылу.

– Хорошая моя... Как же тебя зовут? Может быть, у тебя нет клички? Тогда надо придумать.

Мужчина встал, отряхнулся и посмотрел кругом. Лошадка вдруг потеряла к нему интерес и поплелась к полю. Мужчина потёр лоб, пытаясь понять что произошло. В призраков он не верил и, решив, что это у него были галлюцинации, поспешил вернуться домой.

Ближе к обеду к нему заглянула Людмила Афанасьевна, она напекла пирожков и принесла угостить соседа. Разговорились о прошлом, и как бы невзначай старушка, конечно же, вспомнила Риту.

– Такая молодая, а какая ужасная смерть – сбила машина! А девочка была славная... Мы здесь все были в курсе вашей истории. Ты знаешь, я, конечно, тебя не могла осуждать, поскольку ты в таком возрасте был, да и она тоже, дети ещё совсем, но всё равно ты поступил не по-человечески тогда... – покачала головой старушка.

– Да знаю я всё! Давайте сменим тему!

– Я вижу, тебя это мучает, покаяться нужно бы, грех то какой...

– Людмила Арсеньевна, я не хочу об этом! – отрезал он и отвернулся к окну. Ему очень хотелось узнать, как всё было дальше, подробности как сложилась жизнь Риты после их расставания, но он не мог. Язык не поворачивался и к тому же он прекрасно понимал, что боится услышать о её судьбе, а вдруг это была не случайная авария, вдруг она сама бросилась под колёса машины из-за него?

– Ну, смотри сам, как знаешь. Не будем больше, вижу, что тебе тяжело говорить об этом.

Соседка поспешно распрощалась и ушла к себе. Мужчина поглядел на письма Риты и, особенно на нераскрытый конверт и вдруг как-то со злостью запихнул всё это в коробку и закинул на чердак. Легче не стало. Всё вокруг стало напоминать о девушке. Появилось откуда-то чёткое ощущение, что галлюцинации ещё повторятся. Он решил забыться сном, но спать было невозможно. Её глаза, её косы и влажные губы были как наяву, смех колокольчиком звенел в ушах. Открыв глаза, он прислушался, смех звучал за окном, он ему не приснился. Выглянув в окно, он вновь увидел Риту, в её легком ситцевом сарафане. Девушка внимательно глядела на него, а потом начала медленно уходить в другую сторону. Мужчина вдруг сорвался с места и побежал за ней, совершенно не понимая, что он делает.

– Рита! Рита! – звал он, но девушка быстро шла и не оборачивалась. Он поднялся за ней на холм и прикрыл глаза от слепящего солнца. Когда открыл, то девушки уже не было, но перед ним виднелся их сельский храм. Мужчина постоял немного в раздумьях, понял, что от совести своей никуда не деться и медленно зашёл в церковь.

Отец Андрей как раз вёл всенощную службу. Прихожане – одни старики да старушки были ему все уже как родственники, каждого хорошо знал много лет. Неожиданный приход незнакомого мрачного мужчины, по виду его ровесника, удивил батюшку. Незнакомец разглядывал всё вокруг с тоской в глазах, но было заметно, что он не первый раз в храме. На исповедь мужчина не пошёл, мялся на месте, и его бледное лицо заливалось краской. После службы батюшка сам подошёл к нему познакомиться. Тот в начале нехотя, а потом уже подробно, со всеми деталями начал рассказывать ему о своей жизни. Многое он говорил со слезами, которые изумляли говорившего, т.к. по его признанию за всю свою жизнь он плакал всего пару раз. Наконец, исповедовав его, батюшка благословил мужчину на причастие и тот пошёл домой. Отец Андрей наблюдал за ним из окна и видел, как мужчина всё время оглядывается по сторонам, словно ищет кого-то. Потом он стал идти бодрее и веселее, распрямившись, словно невидимый груз упал с его плеч. С этого и начался новый этап в его жизни – походы в храм каждые выходные, участие в таинствах и самое главное вера, которая вдруг чудесным

образом появилась в его сердце и душе.

Спустя месяц, как раз после соборования, этого мужчину соседка нашла мёртвым в его доме. На устах усопшего была улыбка, а сам вид такой счастливый, будто его обрадовали какой-то хорошей новостью. В руках у мужчины было зажато письмо.

Другая жизнь

«Хорошо!» – сказал он, попыхивая сигаретой в открытое окно. Дворик был уже не завален снегом, и лужи почти везде высохли. Весна приближалась, и дышалось намного легче и спокойнее. Окна в пыли теперь отчётливее виднелись на свету, но он знал, точно – их никто мыть не будет. И этот знакомый дом, и эта улица вдалеке теперь казались такими, как в детстве. Не было слышно гула машин, солнышко светило сквозь какую-то дымку, и весь дворик был словно укутан в лёгкий туман. Пахло чем-то жареным и одновременно свежестью. Слышались где-то детские голоса и звон велосипедов. Даже обшарпанные, старые стены дома сейчас выглядели красивыми. Он ждал прихода друга, интересного человека, с которым общался уже лет сто, по крайней мере, так казалось. Он знал, что сейчас, как и всегда, покажется с улицы человек в футболке с сумкой через плечо, который неспешным шагом будет идти к подъезду, глядя под ноги, с задумчивым видом, и не сразу откликнется на своё имя, когда он позовёт его. Потом друг поднимет голову, и рассеянно улыбнувшись, помашет ему, зайдёт в подъезд, и через пару минут окажется на его последнем этаже. Он откроет дверь, впустит его, предложит чай, может даже с вареньем. А потом они поднимутся через окно кухни на крышу и будут сидеть там, греться на солнышке и обсуждать самые важные ново-

сти, и наверняка придумают что-то новое, интересное. И засидятся до позднего вечера, и будет трудно разойтись, потому что только-только в голову придет очередная безумная идея, и для её воплощения срочно понадобятся какие-нибудь уникальные предметы, но часы сообщат о том, что уже полночь и друг уйдёт, так же тихо, как и приходил. Он подойдёт к окну, чтобы разглядеть силуэт в темноте и, проходя мимо фонаря, друг повернётся и помашет рукой...

Он так и застыл с сигаретой у открытого окна и вдруг будто очнулся. Да, тот же дом, тот же двор, но сколько времени прошло? Двадцать лет? Чуть больше? Двадцать семь! Он не был в этой квартире так долго, и она уже давно была продана много раз, и сейчас какие-то чужие люди вновь выставили её на продажу. Он не пошёл посмотреть, как изменились комнаты, какая теперь кухня, он застыл у того самого окна, где всегда стоял в ожидании друзей, и особенно того, которого знал с молодости лет.

И сейчас, глядя на арку дворика, он понял чётко – друг не придёт, его уже давно нет в живых.

«Вы будете брать квартиру?» – прервал его мысли голос молодого риелтора. Он задумчиво повернулся и отрицательно покачал головой. «Но Вы же говорили, что жили здесь когда-то? Приятные воспоминания и всё такое...» – не сдавался риелтор. «Да, жил, но в другой жизни» – улыбнулся он и, увидев непонимающий взгляд молодого парня, добавил, – «Когда пломбир был настоящим, когда можно было

песни бесплатно записывать, когда на улице ездили одни жигули да волги, когда достаточно было бросить одну монетку, чтобы позвонить, и когда...». Он кинул последний взгляд в пыльное стекло окна и вдруг увидел, что во двор входит какой-то человек в зелёной футболке. Он пригляделся, нет, просто показалось. Он грустно усмехнулся и, потушив сигарету, вышел из квартиры...

Приключение

В это раннее, майское утро Павел волновался, как никогда. Он в первый раз шёл на работу воспитателем в новый детский сад. Детей Павел любил и умел с ними найти общий язык, опыта у него было много. Но сейчас, идя на работу, его почему-то охватило волнение, словно он вообще никогда не работал в детском саду. На прошлой работе у него всё складывалось чудесно, дети хорошо к нему относились, дисциплина была отличная. Но, переехав в другой город, пришлось искать новое место и ему тут же предложили работу в детском саду, недалеко от его дома. Там как раз собиралась уходить в декретный отпуск воспитательница, и директор срочно искала ей замену. Павлу повезло, он подошёл им по всем характеристикам и уже в понедельник прибыл на своё новое рабочее место. Дети завтракали за столом, когда директор привела Павла и начала знакомить.

– Это ваш новый воспитатель, его зовут Павел Дмитриевич!

– Здрассти! – раздался не стройный хор голосов.

Павел нервно кашлянул в кулак и набрал побольше воздуха в грудь:

– Здравствуйте, надеюсь, мы подружимся!

– Они в целом мирные, не хулиганят! – успокоила его директор, скрывая улыбку, наверное, у Павла было слишком

напуганное лицо. Он взял себя в руки, спокойно посмотрел на всех, и как только директор ушла, волнение прекратилось. Несколько пар глаз с любопытством его рассматривало. Одна девочка перестала даже есть и испуганно вытаращилась на него. Наверное, они не привыкли к воспитателям мужчинам. Павел присел на стул, улыбнулся, чтобы не выглядеть сильно грозным.

– А нам воспитательница за завтраком всегда рассказывала сказку! – протянул вдруг какой-то мальчик. Павел пригляделся к нему.

– Как тебя зовут?

– Дима! – мальчик вяло помешал манку в тарелке.

– Ну, сказку, так сказку! – Павел потёр лоб, отношения с детьми начинались как-то нервно, он чувствовал напряжение. Дети к нему явно присматривались, словно ожидая подвоха. Но сказка всем понравилась, дети расслабились и дальше всё пошло нормально. Прогулка, правда, не обошлась без приключений. У одного мальчика пошла носом кровь, он сильно испугался, но Павел быстро отвёл его к медсестре, правда, по дороге запачкал кровью рубашку и теперь производил жуткое впечатление. За обедом одна девочка вылила на другую суп, а в тихий час мальчишки подрались и упали с кровати на пол, заработав синяки. Нервы Павла были уже на пределе. Он понимал, что не может справиться здесь с элементарными вещами. Всё валилось из рук, ничего не получалось. Наконец, ужасный день подошёл к кон-

цу. За детьми пришли родители, и тут-то Павла ждал самый неприятный сюрприз за весь день. Он не досчитался двоих детей. Они исчезли неожиданно, словно их никогда и не было. Это был мальчик Дима, тот самый, который говорил про сказку и девочка Нина. Павлу поплохело, он опустился на скамейку, обхватил голову руками и тихо сказал: «Это я виноват!» Но если для него этот день обернулся кошмаром, то для Димы и Нины он получился самым, что ни на есть, приключенческим. Прямо под носом у Павла происходили такие события, о которых он даже не догадывался и ничего и не заметил...

Всё началось неделю назад, когда в детский сад прибилудилась одна собака. Выглядела она довольно ухоженной, к людям относилась по-доброму, по всему было видно, что она когда-то жила в доме. Маленькая, рыжая, с закрученным пушистым хвостом, она сразу стала всеобщей любимицей, её называли Рыжа и не прогоняли с территории садика. Сторож даже сколотил ей будку, и собачка с удовольствием осталась жить в детском саду. И на днях старший брат Димы, Миша, обнаружил случайно объявление на столбе о том, что пропала собака. Приметы очень совпадали с Рыжей, которую он видел в садике, когда забирал брата. Только единственное, что отличалось, это было имя. В объявлении собаку звали Каштанка, а из особых примет было написано, что у неё выстрижена шерсть на передней лапке. Миша всерьёз обеспокоился этим, он вспомнил, что Рыжа не откликалась на своё

имя, и попросил брата проверить эту информацию. Он очень любил животных, у них жил в доме пёс, и мальчик понимал, как огорчены люди, если потеряли своего питомца. Дима на его просьбу отреагировал почти равнодушно, установить истину ему не очень-то и хотелось. «Почему ты решил, что Каштанка это и есть Рыжа? – спросил он у брата, – Потерялась- то она давно, а объявление только сейчас развесили» Да и адрес в объявлении стоял не их городка, а деревни городского типа, до которой минут 30 езды на электричке. Миша не мог ему объяснить ничего, ему было 14 лет, и он уже кое-что понимал про интуицию и внутреннее чутьё. Дима на следующий день пошёл в садик и на всякий случай назвал Рыжу Каштанкой. Собака очень внимательно на него посмотрела, её уши с интересом приподнялись, и она тут же подбежала к мальчику. Дима оторопело уставился на её лапку, где шерсти было меньше, чем везде, и удивлённо произнёс ещё раз её имя. Собачка радостно залаяла. Всё было понятно. Дима рассказал об этом Мише вечером и у мальчика в голове созрел план вернуть собаку домой. В объявлении, к сожалению, не был указан номер телефона, скорее всего там его и не было. Вернуть собаку можно было только поехав туда. Миша давно мечтал о подобном приключении, без родителей покинуть пределы их города, и при этом совершив какой-нибудь героический поступок. Лучшее шанса для него не предоставлялось, поэтому решено было на следующий день Мише забрать брата из садика вместе с собакой,

сесть тут же на электричку и успеть смотаться в городок, где жили хозяева Каштанки. Он всё рассчитал правильно, отец их был в командировке, а мама работала в вечернюю смену, никто бы ни о чём не узнал. Миша часто забирал Диму из садика, поэтому маме не пришлось бы в голову ни с того, ни с сего их проверить. До её прихода домой, они бы уже вернулись, и всё было бы в порядке. Дима очень загорелся такой идеей и поддержал план брата. В свои 5 лет он также мечтал о приключениях. Но тут произошло то, что в их планы не входило. Девочка Нина, которая дружила с Димой и сидела с ним рядом за столом узнала про их план и попросила взять её с собой, она тоже хотела поучаствовать в судьбе бедной собачки. Мальчик наотрез отказался её брать, и она обиделась на него так, что даже перестала с ним разговаривать. Нине было обидно до слёз, во-первых, из-за отказа друга, а во-вторых, из-за самой Каштанки. Девочка больше всех к ней привязалась и даже хотела взять её домой, но только мама была против. А теперь выяснилось, что собаку и вовсе забирают. Нина решилась на хитрость. Она проследила, как брат Димы увёл его и собаку (это всё прошло мимо глаз их нового воспитателя, потому что тот как раз снимал с дерева одного мальчика). Тогда девочка юркнула в лаз под забором, она давно там заприметила дырку, которую прикрывала деревянная доска и побежала по дороге за Мишой и Димой, оставаясь не замеченной для них. Каштанка весело бежала с мальчиками, словно зная, что они хотят вернуть её домой.

На пол-пути беглянку заметили. Миша в ужасе закатил глаза, времени отводить её обратно, уже не было.

– Ты же всё нам испортила! Тебя-то искать будут! Попадёт всем нам! – кричал Миша.

Но Нина только улыбалась и смотрела на него так, словно у неё не было другого выхода. Каштанка ластилась к ней и ребята лишь вздохнули.

В это время в детском саду происходила самая настоящая трагедия. Мама Димы и Мишы пришла с работы неожиданно рано и решила пойти к садику, встретить детей. Их там не оказалось, мало того, их не было дома, и по дороге они нигде не встретились ей. Женщина эта была волевая, решительная, она тут же начала ругаться и во всём винить Павла. Тот конечно своей вины не отрицал, но слушать эту крикунью было не возможно.

– Я тебя засужу, в тюрьму посажу! Это же дети! За ними надо глаз да глаз! Вот мой муж приедет, он у меня знаешь кто! – орала она. Павел пытался сосредоточиться, он вспоминал, когда в последний раз видел Диму, тот играл с собакой у её будки. Куда и главное зачем он мог убежать, Павел не понимал. На крик и шум выбежала директор садика, ей тоже начали угрожать. Родители, забирая своих детей, вслушивались в суть конфликта и предлагали свою помощь. Почти все оказались на стороне мамы Димы и Мишы, и тут в садик забежала ещё одна мама, как раз девочки Нины. На вид ей было лет 25, не больше. Худая и бледная де-

вушка, узнав только сейчас о пропаже дочери, потеряла дар речи и беззвучно упала на скамейку. К счастью, не в обморок, а просто потеряв последние силы. Директор уже позвонила в милицию, сообщила всем приметы детей. Павел ощущал себя в какой-то прострации, он туманно глядел на лица вокруг, пытаясь сообразить, что делать. Он чувствовал, что можно догадаться, где дети, что правда где-то рядом, просто он не может её разглядеть. Одна девочка вдруг сообщила, что видела, как за Димой пришёл брат и увёл его, вместе с ними была Рыжа. Павел задумался, зачем им надо было без спросу забирать собаку, и куда подевалась Нина, связана ли она с этим событием как-нибудь. Её мама только заохала.

– Ниночка так хотела, что бы я взяла эту собачку к нам жить. А куда? В доме места нет, денег на неё тоже, на двух работах еле концы с концами свожу!

– Так может, дети просто погуляли где-то с собакой, а потом пошли домой, вы проверьте! – раздался чей-то голос. Мама Димы и Миши тут же сорвалась с места и побежала к дому проверять ещё раз, благо их дом находился в двух шагах отсюда. Без этой крикуньи Павлу стало легче.

– А моя Ниночка с ними? – непонятно у кого спрашивала мама девочки. На неё было жалко смотреть.

– Вы не волнуйтесь, найдётся! – попытался успокоить её Павел. Девушка в ужасе уставилась на кровавый потёк на его рубашке, – У Вас там кровь! – сказала она дрожащим голосом.

– Это не моя! Одного мальчика! – махнул рукой Павел и поспешно добавил, глядя на реакцию девушки, – У него просто из носа пошла кровь ну, и запачкал немного...

Девушка не слушала его, она пространно глядела куда-то вдаль, в её глазах набухали слёзы. Павел не выдержал, он чувствовал себя ужасно, совесть давила всюду. Он решил предпринять отчаянную попытку, пройтись в ближайших окрестностях самому, поискать детей. Так и сделав, он быстро зашагал вперёд, зовя детей и прислушиваясь к малейшему шуму. К счастью, майский вечер был солнечный, и до наступления темноты оставалось ещё пару часов. Вокруг ходило много людей, взрослые шли с работы, дети игрались во дворах. Павел спрашивал у многих, но беглецов никто не видел. Только одна бабушка сказала, что видела отдельно двух мальчиков с собакой и девочку, в одежде, как у Нины, только шли они отдельно. Это было уже хоть что-то. Павел остановился в задумчивости у столба, облокотился об него, увидел объявление о пропаже собаки. И тут его что-то как будто кольнуло. С детства отец, сыщик по профессии, приучал Павла к навыкам своей работы, мечтая, чтобы сын продолжил его дело. С этим не сложилось, но навыки остались. Павел всегда старался размышлять, как его папа, обращая внимание на все мелочи, подключая логику и интуицию. Он ещё не успел сообразить, что к чему и как это можно сопоставить, но в его мозгу уже воссоздалась ясная картина того, что произошло. Он понял, где дети, и поспешил обратно,

в детский сад.

Там суматоха ещё не улеглась, приехала милиция, участковый ходил вокруг садика, осматривая почему-то землю, как собака-ищейка, в поисках следов. Мама-крикунья громко разговаривала с директором, почти все родители с детьми разошлись, только мама Нины по-прежнему сидела на той же скамейке и глядела вдаль, будто стеклянными глазами. Павел быстро подошёл к ней, оставаясь не замечанным для других.

– Я знаю, где Ваша дочь! – сказал он.

– Правда? Где? – подскочила сразу она.

– Долго объяснять, надо ехать!

– Хорошо! – она покорно двинулась за ним вслед. Павел рискнул, подошёл к маме Димы и Миши.

– Послушайте, я знаю, куда сбежали дети!

– Да ну?! – женщина глядела на него с таким видом, будто хотела отрубить ему голову, – И ты думаешь, я тебе поверю?! Вы посмотрите на него!

Павел, в который раз пропустил мимо ушей её «тыканье», и спокойно продолжил:

– Если я всё правильно понял, они поехали в село Мамаевка, возвращать собаку её владельцу.

– Нет, Вы слышали?! – показал рукой на него женщина, оглядываясь. Кроме директора никого рядом больше не было, – Что за бред он несёт?

– Павел Дмитриевич, откуда Вы это взяли? Вы уверены

в том, что говорите? – спокойно спросила директор. Надо отдать ей должное, она достойно держалась сейчас, хоть и понимала какая ответственность лежит на ней.

– Да, я сейчас поеду туда и верну детей в целости и сохранности, даю Вам слово!

– Слово он даёт! – начала, было, женщина, но умолкла от взгляда директора.

– Вы же понимаете, здесь милиция и я не могу Вас отпустить вот так, – директор повернула голову в сторону участкового, его не было видно.

– Время идёт, скоро стемнеет и ситуация изменится в худшую сторону! Отпустите меня, я прошу! – Павел сжал кулаки и взглянул на неё с мольбой в глазах. Она только махнула рукой и отвернулась, чтобы даже не видеть его. Павел быстро побежал за ворота калитки, мама Нины за ним.

– Почему они поехали в это село? – спросила она по дороге.

– Собаку возвращать, объяснять долго! Вы можете быстрее бежать, электричка уходит каждый час! Уже без пяти минут! – бросил взгляд на часы он, – Опоздаем, ёлки!

– Успеем! – девушка ускорила шаг и тут же обогнала Павла. И куда девался её упадок сил? Павел не удивился, он представил себя на её месте и понял, что к родному ребёнку и не так побежишь.

На электричку они успели. Народу ехало тьма, многие с работы возвращались домой, Павел посадил девушку

на свободное место и стоял возле неё. Когда место рядом освободилось, он присел и решил спросить.

– Извините, а как Вас зовут?

– Лика, – тихо сообщила девушка.

– Вы меня, наверное, ненавидите, Лика?

Девушка перевела на него взгляд, посмотрела внимательно и отвернулась.

– Почему Вы так думаете?

– Поставил себя на Ваше место. И потом потерять ребёнка воспитателю – это непростительная ошибка, – сказал Павел.

– Вы думаете, она первый раз так теряется? – грустно улыбнулась Лика, – нет, сколько уже было, я ж одна её рощу, помочь некому особо, только родители, да у них и своих забот полон рот. Отец её, сразу бросил нас, когда она родилась... И вообще, плохая я мать. – Лика часто заморгала и опять отвернулась к окну.

– Не говорите глупостей! – попытался ободрить её Павел, – Вы ещё плохих матерей не видели, уж поверьте мне!

Они вышли на нужной станции, когда солнце уже медленно начало садиться. Павел оглядел пустой перрон, не у кого было спросить, где именно находится эта улица, а ведь он рассчитывал, что хоть где-то будут люди. Таинственным образом все куда-то делись. Перед ними виднелось поле, вдалеке начинался ряд домиков. Павел пошёл вперёд, Лика не отставала, и тут на тропинке появился пожилой священник в рясе, он вышел из-за холма и медленно направился в их

сторону. Павел обрадовался и ускорил шаг.

– Простите, батюшка, Вы не подскажите, где находится улица Первомайская? – спросил он.

– Подскажу, это как раз центральная улица, вот за тем домом свернёте направо! – показал рукой он.

– Огромное спасибо Вам! – улыбнулся Павел. Лица молча кивнула.

– Да не за что! Не беспокойтесь, найдёте вы своих детей! – усмехнулся он и пошёл вперёд.

Павел замер, непонимающе посмотрел на удаляющуюся спину священника и перевёл взгляд на Лику. Девушка от удивления даже открыла рот.

– Мы же не говорили! Откуда он знает? – прошептала она. Павел пожал плечами, ему отчего-то стало сейчас спокойно и уютно, все беды отошли на задний план, и он уверенно зашагал дальше.

Дойдя, наконец, до нужного дома, они сразу услышали лай собаки во дворе и начали стучать в калитку. Какая-то старушка открыла им и изумлённо уставилась.

– Ой, уже пришли! Ну слава Богу! Я уж и не знала что делать! Петруша, родители детей пришли!

– Да мы, в общем-то, не родители, то есть на половину... – начал Павел.

– Я мама Ниночки! Она здесь?! – воскликнула Лица.

– Да, все здесь! А Вы кто такой? – старушка с подозрением покосилась на Павла.

– Я воспитатель их, из детского сада!

– Заходите в дом! – старушка открыла приветливо дверь и пригласила их. За столом в комнате была чудная картина – дети ели пирожки, запивали всё молоком и радостно улыбались. Лица подбежала к своей дочери.

– Нина! Как же я волновалась! Разве так можно?! Ты меня со свету сведёшь!

Павел облегчённо облокотился об стену, ругаться с ребятами у него не было сил.

– А ты, Дима, что творишь! Вы хоть понимаете, как вы подставили своего воспитателя! Что ему теперь будет! Ладно, они дети, но ты куда смотрел?! – обратилась она уже к брату Димы.

– Мы больше не будем! – проговорил тот с набитым ртом, – Простите нас, Павел Дмитриевич!

Тот только вздохнул и покачал головой.

– Чтобы это было в первый и в последний раз!

– Да вы садитесь, покушайте! – захлопотала старушка, к ней подошёл её муж и с интересом уставился на всех, – Детки- то ваши такие молодцы, вернули Каштанку, защитницу нашу! Вся скотина на ней, никто не смеет обидеть, а то курочек душили коты соседские! Я только конечно испугалась, когда они сами пришли сюда в такую даль! И как их на электричку кондукторы пропустили! Всё равно людям, никто даже не обратил внимания!

– А как же Ваша собака потерялась у нас в городе? – спро-

сил Павел.

– Ох, да это наш племянник непутёвый повёз её с собой, к врачу, а потом умудрился потерять, специально конечно, ревновал нас к ней, представляете! Спасибо вам ещё раз, родные вы мои! – старушка погладила детей по голове.

– Поздно уже, нам пора идти! – сказала Лика, – Извините нас за хлопоты!

– Да что Вы! Какие хлопоты! У нас давно гостей в доме не было! Приезжайте ещё! Вот у Каштанки щенята родятся, возьмёте по щёночку, если хотите!

– Да-да! Мне щеночка! – обрадовалась Нина и захлопала в ладоши. Её мама усмехнулась.

– Ладно, так уже и быть! Будет у тебя собачка!

Когда они все вместе дошли до станции, на дворе было уже темно. Дети засыпали на ходу, Павел нёс сумку и кулёк Лики, а она держала Нину на руках, та уже дремала. Все молчали от усталости и пережитых эмоций, о том, что их ждёт дома, никто не хотел думать. Подъехала электричка и они зашли в неё. В вагоне никого не было, братья сели рядом и тут же заснули, прислонив головы друг к другу. Лика сидела рядом с Павлом, Ниночка спала у неё на руках и Павлу невольно пришла мысль о том, что это его семья и как будто он возвращается откуда-то с ними домой. Он улыбнулся и с радостью обнаружил, что Лика тоже заснула, и во сне положила голову ему на плечо. Павел сидел не шелохнувшись, чтобы не потревожить её сон и волнительный стук его серд-

ца звучал в унисон к шуму грохочущих колёс электрички...

Долгое прощение

Михаил Иванович плохо себя почувствовал сразу после новогодних праздников. Всегда отличаясь богатырским здоровьем и работая не покладая рук, ему были не знакомы новые ощущения боли и беспомощности. Лежать целый день в кровати он не привык, так как жил в доме один, и помочь по хозяйству было некому. Пару дней промучавшись, он, наконец, не выдержал и позвал врача. Местный сельский доктор лишь покачал головой:

– Что ж Вы так, Михал Иванович? Довели себя! Такой возраст!

– О чём ты говоришь? Возраст, видите ли! Думал, что само пройдёт за пару дней! – отмахнулся больной.

– Не пройдёт. Лечиться предстоит Вам, да и родных из города вызвать на время к себе. Кто у Вас там живёт, сын?

– Да, и внук, – Михаил Иванович помрачнел и отвернулся к стене.

– Вот и отлично! Я по дороге как раз мимо почты прохожу, пошлю им телеграмму, Вы только адрес напишите мне.

Михаил Иванович задумчиво поглядел на белый листок бумаги, протянутый ему, словно колебался, но потом быстро нацарапал ручкой нужную информацию. Когда доктор ушёл, он глубоко вздохнул и начал смотреть с тоской в окно. С утра шёл снег и покрывал всё густым слоем, словно ватой. Иногда

за калиткой пробежали дети с санками, а так всё время стояла тишина, ведь дом у Михаила Ивановича находился почти в конце села, рядом с полем.

Телеграмма застала его сына, Пашу, как раз когда он открывал дверь квартиры, вернувшись с работы. Почтальон дежурно всунул ему в руку бумажное послание, и Паша сразу почувствовал, как холодок пробежал по его спине. «Приезжайте срочно! Ваш отец тяжело болен...» – прочёл он первые строки и быстро зашёл в квартиру.

– Папа, папа! – раздался сразу радостный крик сына, – Наконец ты пришёл!

Мальчик десяти лет выпорхнул из комнаты и начал помогать своему папе: повесил куртку на вешалку, сложил аккуратно шарф. При этом он без умолку тараторил:

– Ты представляешь, пап, я сегодня дежурил, и у нашей смены не было ни одного происшествия, а ещё меня классная похвалила – я помог ей донести тетради до учительской! А ещё Ольку от хулиганов спас! А ещё...

– Дневник неси! – словно не слушая его, приказал Паша, хорошо зная своего сына. Тот тут же затих, опустил глаза и с грустным видом поплёлся в комнату. Вернулся минут через пять, когда его отец уже вымыл руки.

– Ну, я не успел сделать задание по математике, а по языку не знал, что сегодня спросят, – бормотал он, протягивая дневник.

– Две двойки в один день! Митя, ну что мне с тобой де-

лать? – Паша строго смотрел на своего сына, но мыслями был далеко.

– Не знаю, они меня все не любят! – привычно начал жаловаться Митя, – Вот если бы я перевёлся в другую школу...

– Ну, ты совсем уже! – Паша прошёл на кухню и сел на табуретку, потирая лоб рукой.

– Пап, что-то случилось? – Митя осторожно положил руку на его плечо, доверительно заглянул в глаза.

– Дедушка приболел, надо бы нам с тобой поехать в деревню на некоторое время...

– Ура! А то я только летом там бываю, а так и дедушку увижу и посмотрю как там сейчас, здорово! – оживился сразу Митя, – А чем он заболел?

– Не знаю, приедем, посмотрим! Школу придётся пропустить, я сейчас позвоню твоей классной...

Митя победоносно сиял. Конечно, ему было жаль, что дедушка заболел, но мысли о пропуске школы заполнили сейчас всё сознание. Его отец тем временем мрачно глядел в окно и обдумывал, что им брать с собой и насколько затянется эта незапланированная поездка. Как раз на работе дела пошли хорошо, его ожидало повышение. А что же теперь? Паша поразмыслив, набрал номер своего директора, объяснил в двух словах ситуацию.

– Нет, Анатолий Васильевич, пару дней, не больше. Ну, конечно! Не подведу! Благодарен, поклон супруге.

Митя стоял возле двери и подслушивал папин разговор.

Ему не нравилось, как отец общается с начальством. Митю раздражало, какие слова подбирал отец, часто словно извиняется за что-то, а сейчас – будто он лучший друг этого Анатолия Васильевича. «Но это же не правда. Зачем папа так себя ведёт?» – спрашивал Митя у самого себя, ещё не зная о правилах ведения разговора с целью получить желаемое наверняка.

Рано утром они сели в папины Жигули и поехали в деревню. Мите хотелось спать, слякотная погода наводила дрему. Он закрыл глаза, а когда открыл, то увидел, что они уже за городом и вокруг лежит белый снег.

– Ой, пап, смотри! Здесь же настоящая зима! – воскликнул Митя.

Он с восторгом глядел по сторонам широко открытыми глазами. Его отец будто ничего не замечал, глядел вперёд немигающим взглядом и был погружен в себя. Митя понимал, почему так происходит. Давно, ещё когда мама жила с ними, но в её жизни уже появился другой дядя, папа поссорился с бабушкой. По какой причине – Митя не знал. Потом родители развелись, и маленький Митя стал жить с папой. Вот тогда, приезжая на лето в деревню к деду, Митя всегда оставался один. Отец привозил его, стараясь не глядеть в глаза деду, и ни разу не задержался в деревне. Так же быстро и в конце каникул, не проронив ни слова, он забирал Митю в город. Мальчик ни разу не спрашивал, почему они не общаются, боялся лезть в дела взрослых, потом даже

привык к этому, а сейчас понял, что у его папы нет выхода – он обязан остаться и помириться с дедом, ведь дед заболел. Мите было очень интересно, как это произойдёт.

Машина притормозила около домика. Мальчик не мог поверить своим глазам, он впервые видел это место зимой. Было не привычно. Все деревья вокруг не радовали спелыми плодами, а находились под белыми шапками. Поле вдалеке напоминало чистый лист бумаги. Белым было всё вокруг и у Мити даже глаза заболели от этого яркого цвета. Дорожка к дому была занесена. Паша с Митей еле протоптали себе путь, и открыли, наконец, дверь в дом. Везде стояла тишина, пугающая и холодная.

– Митенька, Паша, это вы? – раздался голос деда из комнаты.

– Мы! – сразу оживился Митя, и бегом скинув сапоги, сразу побежал на голос, – Дедушка, привет! Как ты?

– Привет, мой хороший! Как давно тебя не видел! Вырос то как! Красавец, отличник, моя гордость!

Паша слушал этот традиционный монолог, неторопливо снимая куртку и ботинки. Он боялся зайти в комнату, а когда вошёл, то сделал вид, что интересуется состоянием обоев на стенах и потолком.

– Ремонт бы тут не помешал, вон, сколько кусков ободралось... – задумчиво провёл рукой по стене Паша.

– Да куда мне новые обои, не в городе ведь живу... Здравствуй, сын!

– Привет, отец! – Паша быстро кинул на него взгляд и тут же отвёл глаза, – А где у тебя лопата лежит? Снег надо во дворе расчистить. Мы еле вошли.

– Видишь, Митенька! Снег ему надо расчистить, это самое главное, а вот моё здоровье – это так, пустяк... – дедушка погладил по голове внука, – Ты бы, Паша, брал пример с собственного сына. Он первым делом как вошёл, поинтересовался, как я себя чувствую.

– Ну, молодец. Мне-то зачем второй раз спрашивать? – Паша заметил в коридоре лопату и вышел во двор. Михаил Иванович только вздохнул.

– Ну, Митенька, ты располагайся. Сейчас перекусим, и расскажешь, как тебя не любят в твоей школе, – ласково усмехнулся он. Внук с радостью закивал.

Паша тем временем быстро и как то раздраженно откидывал снег лопатой, чтобы к дому вела прямая тропинка от калитки. Ему сразу стало жарко. Пар валил изо рта и Паша на секунду остановился, разогнулся, поглядел кругом. Рядом на берёзе сидела большая ворона. Она громко каркнула, словно обвиняя Пашу в чем-то и сразу улетела.

– Простите, Вы Павел? – раздался чей-то голос из-за калитки. Паша пригляделся. Лицо этого человека было ему немного знакомо.

– Я местный доктор, Александр Николаевич. Это я дал Вам телеграмму, – он подошёл ближе и пожал руку Паше.

– Что с ним, доктор? Вы сообщили, что он тяжело болен.

Чем? Это

излечимо? – Паша внимательно вглядывался в лицо врача. Тот снял очки, протёр их и надел снова.

– Видите ли, Ваш отец страдает сердечными болями и любая физическая нагрузка ему в этом случае противопоказана. А ещё у него высокое давление, гипертония и я не исключаяю криза...

– Доктор, Вы можете проще, без всяких этих Ваших терминов? – разозлился Паша. Тот, вздохнув, чуть улыбнулся:

– Простите! Я веду к тому, что у Вашего отца много всяких недугов, целый букет болезней, но меня больше всего беспокоит его сердце. Было бы хорошо направить его в больницу. Я ему предлагал. Там присмотр и всё такое. Но Вы же знаете Михаила Ивановича, очень упрямый человек, наотрез отказался. В общем, Вы следите, чтоб он ничего тяжелого не поднимал, не нервничал, но, к сожалению, даже при соблюдении всех правил, он всё равно... Короче говоря, Паша, Вам не долго осталось быть с ним.

– А если всё-таки больница? – задумчиво пробормотал Паша.

– Может улучшить ситуацию, но ненадолго. Он не хочет жить, понимаете? Он устал от жизни, у него упал моральный дух, а это только способствует развитию болезни.

– Понятно...

– Хотите мой совет? – доктор пристально посмотрел на Пашу, тот кивнул.

– Останьтесь с ним столько, сколько отведено вам времени. Будьте со своим отцом до конца, это очень важно. У него больше никого нет, он Вас любит. Неужели Вы не ответите ему тем же?

Паша вдруг усмехнулся, покачал головой, до белизны пальцев сжал рукоятку лопаты, – Любит... – он процедил это слово сквозь зубы, как нечто неприятное и противное. Доктор недоуменно, а затем с испугом уставился на него.

– Спасибо, Александр Николаевич, мне всё ясно. Можете не переживать, мы с Митькой остаёмся.

– Простите, а кто Вы по специальности?

– Инженер...

– Если Вам понадобится помощь с трудоустройством, обращайтесь, чем смогу, как говорится... Всего доброго! – доктор как-то на старинный манер раскланялся и ушёл. Паша, покончив со снегом, зашёл в дом.

– Пап, самовар закипел! Садись скорее, мы всё уже приготовили! – радостно закричал Митя.

Паша оглядел незатейливо убранный стол с едой и придвинул табуретку.

– Здесь есть где-то рядом, откуда можно позвонить? – спросил он, стараясь не глядеть на своего отца.

– На почте телефон, это не далеко.

– Я помню, что не далеко. Мить, посиди с дедом, а мне надо пару важных звонков сделать.

– Ой, пап, а мне тоже надо позвонить своим ребятам, это

важно!

– Мить, ну что ты, в самом деле? Сказал же сиди тут, общайся с дедушкой, подождут твои ребята! – Паша злился, с утра он ещё не курил, и это тоже выводило его из себя.

Наскоро перекусив, Паша посмотрел на свою машину, и отправился на почту пешком. Хотелось пройтись. Воздух был чистейший, мороз не большой, но казалось, что всё звенит вокруг. Паша шёл медленно, смотрел вокруг. Сколько воспоминаний, дорогих моментов в жизни связывало его с этой деревней. Он так давно не был здесь по-настоящему. Ностальгия сразу охватила его. Везде, словно картинки, появлялись образы прошлого. Вон с той горки он катался с ребятами в детстве, а на этом дереве сидел и читал книгу. Вдалеке блестел купол любимого храма, в который они ходили с бабушкой. Рядом мостик, где его покойная мама стирала бельё, а дальше – тропинка в лес, где много лет спустя он учил своего Митю кататься на велосипеде. Он пригляделся к лесу и хоть сейчас была зима, а не лето, в его ушах звенел крик того летнего дня. Кричала его жена: «Паша, он же упадёт! Следи за ним, я не могу на это смотреть! Покалечишь ребёнка!» Так убивалась, переживала, а год спустя жена сама добровольно отказалась от Мити в суде при разводе. Паша знал, что во втором браке она родила сразу двойню и о Мите больше не вспоминала. Он зябко повёл плечами, с силой зажмурился, чтобы выгнать навязчивые мысли из своей головы.

– Анатолий Васильевич, миленький, ну поймите, так сложились обстоятельства, ну так получилось! – кричал он в телефонную трубку автомата на почте спустя десять минут. Немногочисленные посетители, не скрывая любопытства, слушали, о чем говорит незнакомец.

– Я всё понимаю, Анатолий Васильевич, но и Вы тоже... Режете меня без ножа! Чертёж я передал Ване. Уже он доведёт дело до конца и без меня. Я ручаюсь за своего помощника. Буду звонить, конечно! Да, разумеется... Поклон супруге! – он положил трубку и тяжело выдохнул.

Один вопрос был решён, но ещё оставался не менее важный другой вопрос – как быть с Митей? Ведь ему надо учиться. Паша набрал номер классной руководительницы, объяснил ситуацию, посоветовался с ней. На обратном пути ему опять вспомнилась прежняя жизнь с женой, а ещё неожиданно всплыл в памяти случай, о котором он давно забыл. Дело в том, что его бабушке никогда не нравилась Ольга, его жена. Ещё перед свадьбой бабушка пыталась предупредить, уберечь внука от беды. «Не пара она тебе, помянёшь моё слово! Совсем другая девушка тебе нужна: скромная, нежная, тихая, которая не одевается вызывающе, простая, но интеллигентная. Она тебя полюбит раз и на всю жизнь!» – говорила бабушка своим привычным уверенным тоном. «И как же её звать будут?» – с издевкой спрашивал тогда Паша, пытаясь скрыть смех. «Анна!» – не задумываясь, ответила старушка и будто сама себе удивилась. Паша вспомнил сейчас об этом

и грустно улыбнулся. Бабуля давно умерла, никакой Анны за все эти годы он не встретил, но в одном она была права – Ольга не была ему парой, брак распался.

На все формальности по изменению образа жизни ушла неделя. Митю записали в пятый класс сельской школы, Паша устроился работать на завод. Все потихоньку привыкали. Михаил Иванович выглядел очень довольным – и сын, и внук теперь были всегда рядом. Вот только примирения как такового не произошло. Паша общался с отцом только по делу, быстрыми и короткими фразами. Он делал вид, что и не помнит о той давней ссоре, а просто ему некогда сейчас сесть и поговорить со своим отцом. Паша всё время был чем-то занят. Он улучшал состояние дома, чинил нужное, выбрасывал лишнее... Митя после школы покупал продукты и всячески развлекал дедушку своими рассказами о новой школе.

Так незаметно прошло два месяца, и наступила весна. Март выдался теплым и солнечным, снег везде растаял и Митя старался больше времени проводить на улице, у него появилось много хороших друзей. Паша поймал себя на мысли, что давно не проверял школьный дневник сына и забывал спрашивать Митю про отметки. Дождавшись, когда сын вернется с прогулки, Паша потребовал дневник. Митя как то равнодушно отдал ему этот вечный предмет раздора.

– Так, посмотрим... Ну, вот «5» по литературе! Молодец!

Ты же у меня умный парень! Смотри-ка, «4» по математике получил! Когда такое было в последний раз? – изумился Паша.

Митя пожал плечами, но его лицо выражало беспокойство.

– А это что такое? – пригляделся Паша к красной размашистой записи, – Замечание: «Безобразное поведение на уроке труда!» Митя, не сутулься, – сделал попутное замечание он, – Ну, ты даёшь! Спасибо хоть в школу не вызывают... – Паша пригляделся к покрасневшему Мите и перевернул страницу, – Ах, всё-таки вызывают... Удружил, дорогой сыночек! И не стыдно тебе?

– Да я то что? Я ничего, – начал плаксиво бормотать Митя, – Это всё она, Нюра эта, придирается, а мы с ребятами случайно, мы не хотели, а она потом видела меня с тряпкой... Я не виноват!

– Разберёмся! – тоном следователя произнёс Паша, – Кто такая эта Нюра?

– Наша классная...

– Это ещё что за фокусы?! – удивился Паша, – Ты как учительницу называешь? Имя, отчество!

– Да не помню я! Она один раз вначале сказала и всё! Все её Нюрой зовут, молодая совсем, только после вуза пришла к нам.

Паша захлопнул дневник, посмотрел на часы и заторопился в школу.

– Уроки учи! Приду, проверю! – пригрозил пальцем он Мите и хлопнул дверью.

Школа уютно светила окошками, ещё многие учителя были на месте, каждый заканчивал свои дела, а ученики уже все разошлись. Паша постучал в двери нужного кабинета.

– Можно? – заглянул он туда.

– Заходите, – чуть улыбнулась ему молоденькая, симпатичная девушка. Она была стройная, высокая и вполне могла сойти за какую-нибудь старшеклассницу. Её действительно невозможно было называть по имени отчеству, но приличия есть приличия. Паша кашлянул в кулак:

– Я папа Мити Приёмова.

– А, очень хорошо, что зашли. Присаживайтесь! – указала она рукой за первую парту. Паша сел и почувствовал как нарастает волнение в нём, давно его не вызывали в школу да ещё и по такой причине. «Как там было написано в дневнике? Безобразное поведение?» – вспомнил Паша и вздохнул.

– Я так поняла, что Вы раньше в городе жили, – начала классная.

– Да, мы тут по семейным обстоятельствам. Мой отец сильно болен.

– Ясно. А как Митя учился в той школе, в предыдущей?

– Честно говоря – хуже в плане отметок, – Паша заёрзал за партой, сидеть было просто невыносимо.

– Да Вы не переживайте так, – словно угадала его настроенные учительница, – Ваш сын очень способный мальчик. Ста-

рается, я вижу, он любознательный и не ленивый в отличие от многих других его сверстников. Но я Вас вызвала по другой причине... – тут девушка как – то погрустнела и даже встала из-за стола. Паша тоже инстинктивно поднялся.

– Как Вас зовут, простите? – глянула она.

– Павел Михайлович.

– Так вот, Павел Михайлович, – продолжила Нюра, расхаживая взад-вперёд,

– Меня беспокоит поведение Мити, то, как он ведёт себя на переменках, ну, а порой – и на уроках. Он очень агрессивен, может подраться с одноклассниками, огрызается, чуть ли не хамит. Он и дома так себя ведёт?

– Нет, Вы меня прямо ошарашили, – Паша недоумённо уставился на неё, – Ну и новости!

– Простите за личный вопрос, а Вы сами его воспитываете? – классная остановилась у доски, положила аккуратно мелок.

– Да, с женой в разводе пять лет уже.

– Это чувствуется в Мите. Не хватает ему материнской любви, ласки, вообще женского воспитания. Вот Вы кем в детстве хотели стать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.